УДК 81'23

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МИРА В ЯЗЫКЕ И СИНТЕТИЧЕСКАЯ НАУКА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

© 2022 ***А.Е. Отина***
ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»

В статье производится анализ взаимосвязи процесса концептуализации мира в языке и появления лингвистической отрасли лингвокультурология. Последняя понимается как научная дисциплина синтетического характера.

Ключевые слова: языковая картина мира, концептосфера, концептуальные ядра.

Феномен языкового освоения мира и построения мира культуры языковыми средствами напрямую связан с процессами познания и концептуализации. Языковая картина мира наиболее полно, чем какая-либо другая (философская, физическая и т.п.), «содержит» в себе мир, так как любая иная картина мира (физическая, философская, картина мира национальной культуры) не является языковой лишь условно, так как все ее сегменты имеют лингвистическое соответствие.

Наиболее значимые для общечеловеческой, либо национальной культуры понятия и представления получают концептуальный статус и закрепляются в языке в качестве особо значимых при речевой реализации слов-концептов.

Изучение концептосферы языка национальной культуры представляет собой прикосновение к её душе (в шпенглеровском смысле), к процессу канонизации (сотворения и закрепления культурных норм) и концептуализации наиболее значимых ценностей для представителей данного народа, конкретной культуры, определенного цивилизационного типа. Поэтому предметная область таких дисциплин, как когнитивная лингвистика, концептология и лингвокультурология является генератором как вопросов и проблем традиционного характера, так и тех, которые связаны с новой акцентуацией, актуализацией уже существующих и вновь возникающих концептов языка.

Целью данной работы является анализ взаимосвязи процесса концептуализации мира в языке и развития молодой синтетической науки лингвокультурология. Цель конкретизируется в следующих задачах: определение значения языковой картины мира (концептосферы национального языка) в пространстве картины мира национальной культуры; выделение важнейших малых концептосфер и концептуальных ядер в единой концептосфере (языковая Вселенная, макроуровень) русского языка.

Среди трудов концептологического и лингвокультурологического характера нельзя обойти вниманием работы Ю.Д. Аперсян, Т.В. Булыгиной, М.А. Дмитровской, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелёва. Коллективная монография А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелёва «Константы и переменные русской языковой картины мира» представляет собой настоящую энциклопедию русской концептологии, труд лингвокультурологической направленности, путеводитель по концептосфере русского языка.

Развитие культуры Нового времени, а затем Новейшей истории привело к появлению возникших из общего древа философии, но уже самостоятельных гуманитарных наук – социологии, психологии и, затем, – культурологии.

Общим для всех этих перечисленных научных дисциплин, при всех различиях и самостоятельности их объекта и предмета, является направленность на социокультурное пространство (будь это общество, психические процессы внутри него, либо сущностные силы творящего культуру человека), на коммуникативную организацию человеческой деятельности и на концепты как на ментальные ядра национальной культуры и на то, что конституирует общение и нормы общения в пространстве цивилизации. Кроме того, вышеназванные науки, порожденные философией в ее устремленности к познанию общей картины мира и объективных процессов его организующих, одновременно являются наиболее языковыми в выборе смыслообразования и знакового выражения, т. е. латентно лингвистическими.

В предисловии к коллективной монографии Анны А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелева «Константы и переменные русской языковой картины мира», которое озаглавлено «Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка?» Шмелев объясняет тонкие связи речевой индивидуальной деятельности с языковым (культурным, лингвокультуроконцептуальным выбором) представителей данной национальной культуры: «Речь, разумеется, не идет о понимании русской культуры во всей ее целостности… Речь должна идти о каких-то представлениях о мире, свойственных носителям русского языка и русской культуры и воспринимаемых ими как нечто самоочевидное. Эти представления находят отражение в семантике языковых единиц, так что, овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка одновременно сживается с этими представлениями, а будучи свойственными (или хотя бы привычными) всем носителям языка, они оказываются определяющими для ряда особенностей культуры, пользующейся этим языком» [2, с. 17] .

Последняя формулировка представляется очень точной – «культура, пользующаяся языком». Язык – не только надындивидуальная знаковая семантическая, морфологическая, синтаксическая система, но и то целое, которое обладает самостоятельным бытием, что и обусловливает его способность и интенцию формировать и влиять на каждое индивидуальное сознание и на культурные приоритеты конкретных людей, принадлежащих к пространству данной культуры, к данной языковой картине мира.

Представление о национальной культурной картине мира как о концептосфере восходит к трудам В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, Н.С. Трубецкого.

Самозарождение языка как важнейшего фактора и факта развития мышления и характеристики антропосоциокультурогенеза является яркой демонстрацией того, насколько, с одной стороны, неразрывно связаны трудовая (творческая) и речевая (мыслетворящая) деятельность человека, а с другой, – иллюстрацией работы формирования понятий и их концептуализации.

Известно, что ученые настаивают на стадиальности возникновения и развития речи, которая происходила в мире повсеместно, через которую прошло древнее человечество. Выделяют две стадии в длительном процессе зарождения языков – симпраксическую и синсемантическую. Симпраксическая стадия представляет собой общение, мало отличающееся от того, что сложилось в животном мире: ситуативное, с аффективными выкриками, звуками, жестикуляцией, которыми наполнена непроизводственная деятельность. Но в процессе производственного труда люди коммуницируют и испытывают острую потребность в ином общении – в вербализации действий, в речевом объяснении трудовых и иных (познавательных, адаптивных, эмоциональных и т. д.) процессов. Так возникает синсемантическая стадия. Термин «синсемантическая» говорит сам о себе, он прозрачен («семантика» – смысл). Именно в

это время развития речевого общения зарождается *язык* как культурная реальность: звуки и слова освобождаются от постоянной связи с жизненными конкретными ситуациями, перестают быть случайными, вторичными. Возникает общее для данной группы людей, обитающих на одной территории и занимающихся совместным трудом, семантическое пространство. С этого момента с уверенностью можно говорить о зарождении духовной культуры.

Об огромности значения языковой деятельности в культурной динамике писал И. Гердер. Причины происхождения культуры великий немецкий философ связывал с имманентно присущей человеку способностью к мышлению, которая выражается в творческой деятельности и воплощается в создании таких базовых культурных областей, как язык, мифология, государство, наука, искусство, семья. Первопричиной возникновения всех последующих культурных сфер, по мнению философа, является *язык*. Развитие национальных культур Гердер, опять-таки, непосредственно связывает с формированием культурной вершины – национальных литературных языков [1].

Самостоятельное бытие языка выражается как в его всеобщности, так и в способности к индивидуальному выражению. Всеобщность подтверждается способностью любого, кто овладел одной языковой системой, изучить и освоить другие. Также ее иллюстрирует феномен терминологизированного научного сознания и самих терминов, цель и свойства которых состоят в их универсальности. Неповторимость национального языка – это то, что вызвано зарождением и всей историей культуры народа. Это его фонетика – звуковая одежда, или, как утверждал Потебня, еще и внутренняя форма слова, семантика, этимология и, конечно же – концептуализация. Предельную индивидуализацию язык обретает в художественном творчестве, в авторском произведении.

Язык является живой системой, стихийной и нормативной одновременно, так как он подлежит как канонизации (поиску языковой норы, вершина которой – национальный, литературный язык), так и эволюционированию. Примером последнего является появление в словарях отметок о вариативной категории рода слова *кофе,* когда языковой закон пошел-таки на уступки живой разговорной речи. И теперь выбор «родства» по роду кофе для каждого конкретного носителя языка является либо делом привычки и воспроизводства принятого в окружающей его языковой среде обозначения, либо показателем концептуальной приверженности и языковой традиции, либо проявлением лингвистического вкуса.

Та самая «единосущность мира», о которой писал и к которой стремился великий И.В. Гёте в моменты антиципаций, как нельзя лучше явлена в языке – в единой, целостной, и достаточно подвижной и вариативной системе. При этом, подвижность и вариативность конкретного языка не бесконечны, а обусловлены имманентно присущими ему законами, выражающими его самостоятельное бытие и динамику саморазвития.

С одной стороны, язык нельзя оторвать от человека – его носителя. С другой, – язык представляет собой культурный текст, то есть, нечто самостоятельное, абстрагированное от каждого конкретного языкового субъекта. Язык творится и проводится в жизнь человеком, но и человек ведом языком.

Формирование навыков и адаптация к миру на уровне живой природы возможны и без языка, с помощью примитивных сигнальных систем, как у животных. Но формирование мышления, а тем более, его явленность в различных формах без языка, мягко говоря, затруднительны. Перемена цвета у хамелеона, разнообразие звуков, издаваемых сурикатами, либо угрожающие жесты вожаков гаремных стай обезьян при

их недружественных встречах – сигнал, не знак. Сигнал становится знаком только благодаря его осмыслению, вербальному описанию и осознанию его таковым, то есть только в пространстве языковой системы.

Потребность наших коллективно трудящихся и исполняющих первые коллективные ритуальные действия предков была настолько сильна и повсеместна, т.е. имманентно присуща всем представителям рода Homo sapiens, что везде на Земле независимо друг от друга в каждой локально существующей группе людей и племен зарождается речевая деятельность. Везде и повсеместно после бессловесной пока ещё эпохи неандертальцев.

Возникновение письменности является наряду с появлением государственности, разделением труда на умственный и физический, классовым расслоением общества, централизацией власти, формированием развитых религий и выделением искусства в качестве формы общественного сознания, признаком того, что данное социокультурное образование представляет собой цивилизацию. Письменность является новым, принципиально отличающимся от всех прежних способов утверждения и сохранения культурной памяти. Утрата письменности – один из главных признаков упадка культуры, сигнал к осуществлению её спасения, как это было с древнегреческой цивилизацией после разрушительной троянской войны. Таким образом, со времени антропосоциокультурогенеза язык и внеязыковое пространство культуры находятся в постоянной взаимосвязи и взаимозависимости. Более того, благодаря сигнификативной функции культуры можно смело утверждать, что это самое внеязыковое пространство условно. Ведь всё, что существует для человека, всё, что ему известно и им освоено, получило наименование, языковое оформление, языковой статус.

Картины мира разных национальных культур, цивилизационных типов несут в себе различное концептуальное содержание, разную иерархию концептов внутри собственных концептосфер.

Концептосферы обладают концептуальными ядрами, своеобразными матричными словами концептуального характера, порождающими дочерние, более или менее значительные, но всегда родственные друг другу и значимые по отношению к концептуальному ядру концептами.

В своих работах мы неоднократно упоминали концепт соборности в качестве концептообразующего ядра большой концептосферы русской языковой картины мира. К ней относятся слова со значением сопричастности: сорадование, сочувствие, сопричастность, соратничество, соболезнование, сострадание, собор и т.д., объединённые приставкой *со-* , выражающей совокупность. Также ей принадлежат слова, никак не связанные морфологическим признаком, а только лексическим, семантическим, такие как жалость, жертвенность, братство, гостеприимство, община.

Либо концептуальное ядро «мир», распадающееся на богатые спектральные направления омонимов: «мир» в значении «мирное время», «не война»; «мир» как «секулярное пространство» («в храме и в миру»), «мир» как элемент светского блеска («и в пир, и в мир, и в добрые люди»), «мир» как «свет» («на тот свет», «на этом свете» – «в этом мире», «в том мире» и т.п.), «мир» как «культурное пространство специфического характера («русский мир»). Также слово *мир* может выражать социально-политический аспект – «община», то есть, коллективное справедливое социальное устройство, где все решения принимаются коллегиально – «всем миром».

Сложное семантическое пространство представляет собой концептосфера, связанная с концептообразующим словом *дух.* С одной стороны, здесь сразу напрашивается разграничение понятий «дух» и «душа», привнесённое в русскую

языковую картину мира христианством. При фонетическом сходстве слов «дух» и «душа» наблюдается семантический водораздел, связанный с религиозной трактовкой того, что есть дух, а что есть душа. Душа – это одушевлённость, которая есть и у животных, и птиц, и у растений (последние в лингвистическом смысле не одушевлены, в культурологическом – вполне содержат душу). В этом смысле человек, как и другие представители живой природы, обладает душой. Но только по отношению к человеку заходит речь о бессмертной душе как особой ценности («чистая душа», «продал душу» и т.д.). Грехопадение прародителей не только низвергло человечество из рая в падший мир, но и поставило человека перед нравственным выбором, которого лишены животные. В этом контексте душа – субстанция не статичная, а постоянно осуществляемая в этом самом нравственном выборе. От осознания этого в русском языке и закрепились такие устойчивые понятия как «душевность», «душевная пустота», «душевная работа», «открытая душа» и т.п. Как у Н. Заболоцкого:

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Гони ее от дома к дому,
Тащи с этапа на этап,
По пустырю, по бурелому
Через сугроб, через ухаб!

Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,
Держи лентяйку в черном теле
И не снимай с нее узды!

Коль дать ей вздумаешь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвет.

А ты хватай ее за плечи,
Учи и мучай дотемна,
Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она.

Она рабыня и царица,
Она работница и дочь,
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

(Н. Заболоцкий Не позволяй душе лениться…)

Приведение стихотворения целиком в рамках данной статьи связано с тем, что у Заболоцкого предельно ясно описано концептуальное содержание слова *душа*, которое осознаётся именно в русской православной христианской традиции, а именно как

человечность и работа над человечностью – над соблюдением меры, в аскетической работе, в постоянном труде и преодолении себя.

В этом смысле концептуальное содержание слова «душа» всё же приближается к духу, о чём свидетельствует синонимичные устойчивые выражения русского языка, где присутствуют слова дух и душа: «душевная работа» и «духовный труд».

Христианская традиция мыслит дух как нечто трансцендентное. Это, конечно же, Божественный Дух, это Святая Троица – Отец, Сын и Святой Дух. Это и трансцендентальное И. Канта, и «освобождение и работа высшего освобождения» Г.Ф.В. Гегеля – коннотации слова «дух», вошедшие в русскую языковую культуру (не только в филологический лексикон), начиная с XIX в. в связи с огромным интересов русских романтиков и немецкой классической философии.

Традиционное восприятие духа как созидательного начала породило культурный образ антагониста – «злого духа», носителя порока, разъединения и разрушения. В этом смысле «злой дух» и «злая душа» – не одно и то же. «Злая душа» – частное проявление «злого духа», либо просто обозначение дурного, недоброжелательного характера человека.

Также лексема «дух» может обладать значением «запах» («человечьим духом пахнет»). В современном жаргоне существует пренебрежительное слово «духан» (т.е. «вонь», «плохой запах», «смрад»).

В связи с многозначностью слова дух в его конкретном употреблении в художественном тексте может возникнуть разнообразие герменевтических трактовок. Так, например, только ли о запахе писал А.С. Пушкин в прологе к поэме «Руслан и Людмила»: «Там русский дух, там Русью пахнет!..» В данном случае «русский дух» – это и национальный характер, и русская национальная идея, и «…великий, могучий, правдивый и свободный русский язык» А. Тургенева, и «чистый русский дух» Н. Некрасова – то есть, концепт, отражающий понятие русскости как таковой.

Также слова «дух» и «душа» могут обладать значением «характер», «свойство личности». Например, сравните: «это мне не по душе», «я это на дух не переношу», либо «это не по мне», «это не в моём характере».

Интересно взаимоотношение слов «одушевлённость» и «одухотворённость». Одушевлённостью, как уже говорилось, обладают живые существа (птицы, рыбы, животные, люди) или даже лингвистические *резиденты* (категория одушевлённости/неодушевлённости) у существительных. Одухотворённость предполагает нечто, относящееся к уровню, на несколько порядков высшему по сравнению с одушевлённостью. Это пантеистические представления, «культурный натурализм» Платона, Полибия и Сима-Ценя, Абсолютный дух Г.Ф.В. Гегеля, Божественная Сущность, Святой Дух христианства. Одухотворённость личности – способность к духовному труду, нравственному выбору, созиданию культуры и к герменевтическому диалогу с её теориями, свойство, отражающее одновременно качество личности и интенции творческого характера.

Все приведенные выше примеры, демонстрируют глубинные связи языковой картины мира и общекультурной картины мира конкретного народа (в данном случае, русских), философии языка и философии культуры. Самосознание культуры напрямую связано с самосознанием языка, культурные рефлексии выражаются в языковых рефлексиях.

В связи со всем вышесказанным, следует отметить, что появление в XX в. таких дисциплин, как лингвокультурология, либо психолингвистика является абсолютно закономерным, обоснованным как зрелостью вступивших в диалог друг с другом наук, так и изменившимися масштабами лингвистических возможностей.

Концептосфера является порождением, воплощением, результатом и объектом творческих усилий и преобразований конкретного народа, обладающего ярким и неповторимым национальным лицом. Она содержит в себе уникальный этнический ген. Социокультурное самоопределение (культурная самоидентичность) напрямую связано с языковыми процессами, зарождающимися и развивающимися в сознании личности.

Поэтому связь лингвокультурологии и психолингвистики очевидна. Эти дисциплины называют гибридными, стыковыми, однако их следует именовать синтетическими. И синтезирует, консолидирует их, прежде всего, язык. Уже говорят о появлении социопсихолингвистики. Вполне вероятно и закономерно в будущем возникновение культуропсихолингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гердер И.Г. Трактат о происхождении языка / И.Г. Гердер. – М.: ЛКИ, 2007. – 88 с.
2. Шмелев А.Д. Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка? // Константы и переменные русской языковой картины мира / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 696 с.

Поступила в редакцию 13.03.2022 г.

CONCEPTUALIZATION OF THE WORLD IN LANGUAGE AND LINGUOCULTUROLOGY AS SYNTHETIC SCIENCE

A.E. Otina

The article addresses the correlation between the process of conceptualization of the world in language and the emergency of the linguistic branch of linguoculturology. The latter is understood as a scientific discipline of a synthetic nature.

Key words: language picture of the world, concept sphere, conceptual cores.

Отина Анна Евгеньевна.
Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет».
Доцент кафедры философии.
E-mail: otina.anna@mail.ru

Otina Anna Evgenyevna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Donetsk National Technical University.

Associate Professor at Philosophy Department.
E-mail otina.anna@mail.ru